

PRO **суверенную** **демократию**

ТРИАДА
РУССКИХ
ЦЕННОСТЕЙ

МЫ И ЗАПАД

НОВАЯ
РОССИЙСКАЯ
ЭЛИТА

ЧТО ТАКОЕ
СУВЕРЕННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ

Леонид Поляков

PRO суверенную демократию

«Европа»

Поляков Л.

PRO суверенную демократию / Л. Поляков — «Европа»,

В российской политической культуре есть уникальная интеллектуальная традиция: на переломных этапах нашей истории группа известных своими нестандартными взглядами людей предпринимала общую попытку осмысления происходящего и предлагала свое видение будущего страны. Предлагаемый вниманию читателя сборник в чем-то продолжает эту большую традицию, и в то же время ее существенно меняет. Круг авторов весьма широк: ведущие российские политики, видные региональные лидеры, депутаты Госдумы, авторитетные политические эксперты и политические публицисты. Сам сборник стал возможен как острая политическая рефлексия, вызванная президентским Посланием-2005, его смысловое ядро образуют тексты Владислава Суркова. Так что всех имеющих вкус к «политическому» ждет увлекательное чтение. There is a unique intellectual tradition in Russian political culture – at every critical stage in our history a group of people known for their non– conventional thinking would make an general attempt to comprehend the present and present its vision of the Russia's future. The present collection draws upon this noble tradition in some ways while at the same time it significantly modifies it. The range of authors is wide enough: leading Russian politicians, prominent regional leaders, deputies of the State Duma, reputable political experts and political writers. The collection owes its appearance to a critical political reflexion triggered by the 2005 presidential address to the nation with the texts of Vladislav Surkov forming its conceptual core. The book makes a savvy reading for all those who relish all political things.

© Поляков Л.

© Европа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
В. Третьяков	8
М. Соколов	11
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА	12
КЛАССИКА ЖАНРА	13
ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ	14
ИЗЪЯНЫ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	15
ЧУДО-ОРУЖИЕ	16
СУВЕРЕНИТЕТ ВСЮДУ ЕСТЬ, ЕГО НИГДЕ НЕТ, И ОН	17
НИКОМУ НЕ НУЖЕН	
УДОБСТВА ЭВТАНАЗИИ	18
ТЕРМОЯДЕРНЫЙ АНЕКДОТ	19
НЕУДОБНЫЙ ЯЗЫК, НЕУДОБНАЯ КУЛЬТУРА	20
ВОПРОС ДОЗРЕЛ	21
М. Рогожников	22
В. Сурков	25
В. Иванов	40
1.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Леонид Поляков

PRO суверенную демократию

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской политической культуре есть уникальная интеллектуальная традиция: на переломных этапах нашей истории группа известных своими нестандартными взглядами людей предпринимала общую попытку осмысления происходящего и предлагала свое видение будущего страны. Предлагаемый вниманию читателя сборник в чем-то продолжает эту большую традицию, но в то же время ее существенно меняет. Во-первых, круг авторов весьма широк и знаково репрезентативен. Это – ведущие российские политики, видные региональные лидеры, депутаты Госдумы, авторитетные политические эксперты и политические публицисты. Во-вторых, авторы, представленные под одной обложкой, далеко не во всем друг с другом согласны, и сборник словно заряжен живыми токами незатихающей общественной дискуссии. И, в-третьих. Сам сборник стал возможен как острая политическая рефлексия, вызванная президентским Посланием-2005. Тогда Владимир Путин, не употребляя термин «суверенная демократия», предложил закрепить за Россией как «суверенной страной» исключительное право «самостоятельно определять для себя и сроки, и условия» реализации «принципов свободы и демократии». Естественно, сам этот термин прочно связывается с помощником президента Владиславом Сурковым, тексты которого не только обосновывают заголовок сборника, но и образуют его смысловое ядро.

Родословная термина «суверенная демократия» еще до конца не прояснена. Но его историческая «законнорожденность» и теоретическая «легитимность» несомненны. О «демократии» не просто писали, различные ее формы основательно исследовали еще Платон и Аристотель. О «суверене» и «суверенитете» европейская политическая философия размышляет уже 500 лет. Ж. Боден и Т. Гоббс, Ж. – Ж. Руссо и И. Кант, Б. Констан и Ф. Гизо, К. Шмитт и Б. де Жувенель – один перечень этих имен свидетельствует о том, насколько значимой для политической практики европейцев является проблема источника и носителя высшей власти.

И не случайно крупнейшие западные политики посчитали возможным соединить «демократию» и «суверенитет» в одном определении для того, чтобы описать реалии современного и будущего мира. Так, в 2004 году Романо Проди назвал Европейский союз «федерацией суверенных демократий». А Дик Чейни вторил ему в 2006 году, заявив на конференции в Вильнюсе, что провидит на постсоветском пространстве «сообщество суверенных демократий».

Этих фактов достаточно, чтобы прекратить невежественные разговоры о том, что «суверенную демократию» якобы придумали, чтобы так выразить свое право на «авторитарный» изоляционизм. Беспокоиться следовало бы о прямо противоположном: не означает ли такая рецепция из западного политико-теоретического мейнстрима отказ от той идейной и интеллектуальной суверенности, которая сегодня является определяющей («кто слушает – тот слушается»)?

На это законное беспокойство отвечу следующее. «Суверенная демократия» – это термин, с помощью которого можно описать ключевую дилемму каждого народа в современном глобальном мире. А именно: как одновременно быть частью общечеловеческого сообщества и сохранять свободу собственного самоопределения. На разрешение этой дилеммы и должен ориентироваться новый политический язык, особенность которого в том, что он лишь в той степени будет национален, в какой – глобален.

Пример построения такого языка демонстрирует Владислав Сурков, когда определяет «суверенитет» как политический синоним конкурентоспособности страны. Вполне логично из

этого следовало бы определение «суверенитета» и как геополитического синонима свободы народа. Что, собственно, мы и видим в очередной экспликации термина, предложенной Сурковым: «Сильным государством я считаю эффективное самоуправление свободных людей. В этом смысл демократии и в этом смысл суверенной демократии».

И опять же – не случайна коннотация суверенитета и эффективности в связи с демократией. Вроде бы само собой: если народ – это суверен, то и его власть (демократия) суверенна. Получается толчение воды в ступе? Не получается. Руссо полагал, что воля суверена абсолютна и ничем не ограничена – «суверен по определению прав». Но политическая практика внесла серьезную коррекцию в этот логически безупречный тезис.

Суверен может использовать свою волю губительным для себя же образом. Сурков это убедительно демонстрирует на примере Февраля-1917: «политическое самоубийство правящих, мыслящих, имущих, служащих классов России произошло задолго до Февраля. Возможно, тогда, когда вся эта масса двинулась в свой освободительный поход, во времена ли Достоевского или декабристов, не имея ни достаточной интеллектуальной самостоятельности, ни способности к самоорганизации и политическому самоуправлению. Именно тогда, на мой взгляд, демократия была заранее проиграна правящим классом Российской империи».

Как раз «неудавшиеся государства», «неэффективные демократии» в новейшей редакции Стратегии национальной безопасности США рассматриваются как основная угроза миру. Такая терминологическая переключка Кремля и Белого дома – свидетельство того, что «суверенная демократия» это всерьез и надолго. Из двух мировых центров силы исходит одновременное и в чем-то совместное простраивание глобального политического языка третьего тысячелетия. Идет борьба если не за дискурсивное господство, то, по крайней мере, за дискурсивный паритет. И данный сборник – часть этой борьбы. Так что всех имеющих вкус к «политическому» ждет увлекательное чтение.

Леонид Поляков

В. Третьяков

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

О политической философии Владимира Путина

Нынешнее президентское Послание Владимира Путина, безусловно, самое интересное из всех шести, им произнесенных.

И безусловно же, что это самое «философское» из его шести посланий.

Прежде чем разобрать составные части политической философии Владимира Путина, отмечу несколько важных моментов, по-моему, пока не оцененных комментаторами Послания, в основном разбирающими его конъюнктурно-политические аспекты и противоречия между «правильными» тезисами Путина и «неправильными» действиями кремлевской власти. Такая критика следует и справа, и слева. Во многом она справедлива, но требует отдельного разбора.

Итак, не о конъюнктурном.

Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано еще при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется.

Далее. Владимир Путин почему-то счел нужным сообщить, что данная «программа действий» является «нашей совместной программой на ближайшие десять лет».

Но ведь срок его президентства завершается в 2008 году, то есть через 3 года.

Не буду далее развивать цепь этих рассуждений, к которым можно присоединить еще ряд аргументов, а также прямых и косвенных доказательств того, что я готов утверждать.

Перейду к самому утверждению: судя по всему, Владимир Путин уже принял решение продолжить свое лидерство в российской политике и за пределами 2008 года. В каком формальном статусе – отдельная тема. Но решение, повторюсь, судя по всему, принято.

Теперь собственно о политической философии Владимира Путина, проговоренной им пока тезисно, с пропусками некоторых существенных составляющих (случайно или специально сокрытых), не до конца стратегически продуманной, почти совершенно не проработанной инструментально, но все-таки вполне определенной. Излагая эту философию, я буду максимально опираться на оригинальный путинский текст, специально отмечая собственные, то есть мои, ремарки, пояснения и расшифровки.

Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией.

В течение трех столетий Россия развивалась вместе с другими европейскими народами и культурно, и политически, и общественно-граждански, в чем-то отставая, но в чем-то и опережая страны и народы «классической», то есть Западной, Европы.

Россия (русские) – одна из древнейших наций Европы, имеющая тысячелетнюю историю государственности.

Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самая ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости.

Советский период не «черная дыра» в истории России, а Советский Союз не был «империей зла», скорее наоборот – это Путин говорит не прямо, а косвенно: крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой XX века, для российского народа оно

стало настоящей драмой (перечисляются все основные составляющие этой драмы вплоть до хасавюртовской капитуляции и интервенции терроризма). Солдаты Великой Отечественной войны (то есть советские солдаты) – это солдаты свободы, которую они принесли не только своей стране, но и миру, избавив его от человеконенавистнической идеологии и тирании.

Молодая (новая) российская демократия является продолжением российской государственности, а не ее крахом.

Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая

От советской системы по собственному выбору и желанию Россия перешла к новому этапу своего развития – строительству одновременно демократического, свободного (суверенного) и справедливого общества и государства. И они, российское общество и государство, сами будут определять сроки, этапы, условия и формы этого развития.

Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая.

Слово «свобода», как правило, без дополнительных уточнений, в путинском тексте употребляется либо раздельно, либо даже слитно сразу в двух смыслах: как свобода человека внутри российского общества и как свобода (суверенность, независимость, самодержавность) России в мире, в том числе и перед лицом других крупных и крупнейших стран.

Современное российское общество должно быть свободным (открытым) как внутри себя, так и вовне, не теряя при этом ни своей самости, ни целостности своей территории.

Более того, цивилизаторская миссия российской нации как европейской на евразийском континенте должна быть продолжена. Это, на мой взгляд, важнейший, хоть в данном Послании и слишком скороговоркой произнесенный исторический и стратегический (в том числе и прогностический) тезис, прозвучавший из уст Владимира Путина.

Мы – свободная нация. Путин еще раз, причем в самой афористичной форме, подтверждает принцип внешней и внутренней суверенности России.

Необходим новый курс – курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдельным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека

Но реализация этой свободы возможна лишь в том случае, если мы будем сильными и успешными. Ни того ни другого пока в достаточной степени не наблюдается. Это – следствие сложного хода исторического развития России и, в частности, событий конца 80-х-90-х годов XX века, приведших, помимо прочих бед, к деградации всех государственных и общественных институтов страны.

Политика стабилизации (первые годы путинского президентства вплоть до нынешнего) была реакцией на все эти беды и проблемы. Эта политика себя оправдала, но к настоящему времени исчерпала свои позитивные ресурсы.

Необходим новый курс – курс новой демократизации, не отвергающий, однако, задачу постоянного укрепления российского государства, но уже не как противовеса хаосу и отдельным людям, а как механизма общественной гармонизации и защиты прав суверенного человека.

Одно из главных препятствий на пути такого развития государства и общества – значительная часть российского чиновничества, понимающего государственную службу как разновидность личного и государственного бизнеса.

Простое решение этой проблемы невозможно, ибо тогда верх возьмет бюрократическая реакция. Путин не расшифровывает этот тезис, но, очевидно, имеет в виду две вещи. А именно то, что механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны – опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы.

Речь, следовательно, идет о возможности реинкарнации на новом этапе ГКЧП образца 1991 года как реакции на стремительно развивающийся тогда распад страны и общества.

Далее Путин решительно заявляет, что не позволит передать страну в руки неэффективной, да еще и коррумпированной бюрократии.

Он еще раз фиксирует приоритет либерального подхода в развитии экономики при сохранении командных и владетельных высот государства (как представителя общества) в некоторых стратегически важных для безопасности страны (в том числе сырьевой и инфраструктурной) отраслях и сферах.

Очерчивая политические реформы (новую демократизацию), Путин ставит пока очень скромные цели, еще раз объясняя (не прямо) эту скромность тем, что с учетом своей исторической, геополитической (sic!) и иной специфики Россия сама будет определять сроки и условия демократизации.

Несмотря на эту скромность, некоторые предложения Путина звучат почти сенсационно: плюрализация телевизионных СМИ, законодательное введение института парламентского следования и пр. Впрочем, главной сенсацией будет то, если все это будет реализовано.

Принципиальнейший (с моей точки зрения) момент – обращение президента к демографической проблеме. О ней он не говорил очень давно. И сейчас сказал еще слишком общо, неконкретно и поставив опять же весьма скромную цель – стабилизация численности населения. Но тут, думаю, он опирался на слишком робкие, оппортунистические рецепты наших демографов. Тем не менее сам факт обращения президента к этой проблеме фундаментально значим.

Наконец, в финальной части Послания Владимир Путин говорит о необходимости возрождения нравственности в российском обществе, беря за образцы ее уровень и в царской России, и в Советском Союзе.

Этим, с одной стороны, еще раз абсолютно правильно фиксируется идея непрерывности российской истории, а с другой – в политическую философию России, предлагаемую обществу, вводится абсолютно необходимая, но полностью игнорировавшаяся все последние 15 лет ее составляющая – этическая.

Политическая философия Путина нуждается теперь в общенациональном обсуждении, ибо она, несмотря на свою концептуальную ценность, далеко не во всем безупречна и непротиворечива. Я, например, собираюсь выступить с более пространным и фундаментальным анализом этой философии на страницах журнала «Политический класс» и в телепрограмме «Что делать?».

Боюсь, правда, что приближающийся сезон каникулярного гедонизма нашей политической и интеллектуальной элиты может свести на нет многое из предложенного Владимиром Путиным. А к осени та самая бюрократия, которую столь удачно и точно описал в своем Послании президент, заболтает все его интенции «всенародной» и «всебюрократической» поддержкой и одобрением, то есть наиболее эффективной формой саботажа. Этому надо сопротивляться.

М. Соколов

СУВЕРЕНИТЕТ И СВОБОДА

Суверенитет применительно к государству и нации есть то же самое, что свобода применительно к индивиду. При этом и то и другое не наличествующая данность, а ценность, которую необходимо отстаивать и отстаивать.

Та мысль, что государственный суверенитет не дается даром и навечно, но его должно завоевывать и все время отстаивать, дошла до нашего общества и до нашего политического класса далеко не сразу. Отсюда и бытующий взгляд на эту проблему как на пустую политтехнологическую придумку. Только если суверенитет – придумка, тогда и свобода – придумка. Вернее все же будет сказать, что свобода и суверенитет, будучи тесно связанными – вещи важнейшие и насущнейшие.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Термин «суверенная демократия» был введен в употребление, чтобы обосновать ту мысль, что внутренняя политика России должна быть по существу внутренней, т. е. вопросы властвования и властного преемства должны решаться исключительно внутри – без какого-либо внешнего вмешательства и уж тем более без прямого внешнего арбитража. Термин, однако, против воли его создателей чрезмерно хорошо укладывался в советскую синтаксическую модель уничтожающего определения. Был просто гуманизм, и был социалистический гуманизм («если враг не сдается, его уничтожают»). Был просто рынок, и был социалистический рынок (сильно не пойми что). Была просто демократия («буржуазная» и «формальная»), и была демократия социалистическая, а также народная демократия, т. е. «народное народо-властие». За то, что СССР подарил им такую тавтологию, страны Восточной Европы до сей поры очень любят Россию. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы идею, нуждающуюся и в разъяснении, и в прочувствовании, обреченную столкнуться и с добросовестным непониманием, и с не всегда добросовестным политическим противлением, вводить в оборот посредством термина со столь сильным советским обременением.

Суверенное качество демократии не является ни ограничивающим, ни уж тем более уничтожающим определением

Возможно, уместнее было бы начать с того, что суверенное качество (в отличие, например, от социалистического) демократии не является ни ограничивающим, ни уж тем более уничтожающим определением. Более того, в смысловом отношении оно даже и определением не является, будучи всего лишь указанием на *conditio sine qua* поп демократии как таковой. Если вопрос о власти не является сугубо внутренним и, следовательно, суверенным вопросом государства, это государство может быть самым распрекрасным в том или ином отношении, но демократическим в полной мере его назвать невозможно.

КЛАССИКА ЖАНРА

Демократия определяется как верховная власть суверенного народа. Суверенного – следовательно, воля народа, выраженная посредством тех или иных процедур, является последней инстанцией, над которой иных высших инстанций более нет. Изначально эта конструкция была направлена прежде всего против иной внутренней инстанции – королевской власти с ее божественным правом, т. е. утверждалось, что не монарх (вар.: генсек ЦК КПСС), но народ есть верховный суверен и власть должна исходить именно от него. Тем не менее претензии каких-либо внешних инстанций отвергались с той же страстью, что и претензии внутреннего свойства. «Contre nous de la tyrannie l'étendard sanglant est levé» – эти слова «Походной песни Рейнской армии», каковая стала «Марсельезой», написаны отнюдь не про Людовика XVI, а про императора Священной Римской империи. Как раз та легкость, с которой проклятия внешней тирании были переадресованы собственному королю, а потом, когда в 1914 г. страшная песня гремела на Западном фронте, снова была обращена к внешнему неприятелю, свидетельствует о том, что учение о суверенном народе не делает различия между теми, кто посягает (или обвиняется в посягательстве) на безусловное право последней инстанции. Если рассматривать годичной давности события на Украине в рамках демократической классики (страна *liberte, egalite, fraternite* – куда уж классичнее), то России, конечно, тоже бы досталось (да и доставалось – вспомним тревожные сообщения «Entendez-vous dans la campagne mugir ce российский ОМОН?»), но В. А. Ющенко за устроение внешнего арбитража с участием Квасьневского и Соланы следовало бы в соответствии с классическими образцами немедленно гильотинировать на майдане. Патриоты (в те времена это значило то же, что и демократы) революционного Парижа инкриминировали Людовику XVI попытку учредить международный арбитраж внутренних дел и называли это *Il a traité sa nation*.

Но даже если не касаться кровавых основополагающих образцов (хотя с другой стороны – почему не касаться? Лежащего в основе современной демократии учения о суверенном народе вроде бы никто не отменял), безусловное исключение высшей внешней инстанции из решения внутренних властных дел было общим принципом всех стран, именуемых цивилизованными (да и нецивилизованными тоже), в течение весьма длительного времени. Французы, возможно, в свое время сильно привнесли тут свою природную страсть к резне, но самый принцип утвердился и считался само собой разумеющимся. Попытки внешнего арбитража если и случались, то воспринимались как откровенная агрессия – иногда удачная, иногда наталкивавшаяся на действенный отпор, но триумфом демократии они не считались.

ЧТО ИМЕЕМ – НЕ ХРАНИМ

Столь устоявшееся положение дел было причиной тому, что вопросы суверенитета ни в эмигрантской русской мысли (и внешней, и внутренней), ни в мысли перестроечно-демократической практически не рассматривались. Что психологически вполне понятно. Критики советского режима, а равно и его улучшатели могли относиться к нему как угодно, но абсолютный суверенитет СССР был для всех очевидным (многие даже считали, что его многовато), и вопрос, как охранить суверенитет той державы, что явится на месте коммунистического СССР, не представлялся особо актуальным – куда ж этот суверенитет денется? За исключением сторонников прямой иностранной оккупации (которые всегда были в ничтожном меньшинстве, да и как, собственно, оккупировать ядерную державу? после победы в ядерной войне?) никто этим вопросом не задавался.

Суверенитет был тем неотъемлемым достоянием, с которым при любом исходе ничего не случится

И. А. Ильин, очень много писавший о том, сколь уродлива будет послекоммунистическая полития, сколь она окажется продажной и в первую очередь – инвалютно-продажной в пользу инвалютных покупателей, был, пожалуй, единственным исключением, но его подозрительность практически не нашла отклика. Для прочих суверенитет был тем неотъемлемым достоянием, с которым при любом исходе ничего не случится. Тем более что всякая мысль об устранении коммунистического режима, воспринимавшегося как трагедия России и как противоестественное ее искажение, сознательно или бессознательно была реставраторской – вернуться к России, которую мы потеряли (см. сходный образ мысли в восточноевропейских странах-сателлитах, где мечтали вернуться в досоветизированный период). Но уж суверенитет той России всем представлялся очевидным, следовательно, Россия возрожденная и вновь обретенная тоже будет им обладать – как же иначе?

ИЗЪЯНЫ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Такой оптимизм хорошо сочетался с главенствовавшим тогда новым политическим мышлением, согласно которому человек добр, государства (по крайней мере, новейшие) тоже добры, а все изъяны от взаимных недоразумений, среди которых коммунизм – одно из довольно существенных. Если устранить недоразумения, тогда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся. Ибо что им, собственно, делить, когда раздражающей идеологии коммунизма больше нет. Не то чтобы здесь все неправда, но здесь не все правда – отчего и надежды сбылись совсем не полностью. Коммунистическая идеология никак не способствовала ни нормальной жизни в нашей стране, ни общему благорастворению воздушных масс в мировой атмосфере – это чистая правда. Однако коммунизм (как, по крайней мере, задним числом делается ясно) не был единственным источником конфликтов. Они могут порождаться, с одной стороны, русофобией. Никакой паранойи в этой констатации нет, поскольку одностороннее или взаимное неприятие наций и культур – дело в истории вполне обыденное. В некотором роде она из таких неприятий и состоит, и народы издавна умели ненавидеть друг друга без всякого марксизма-ленинизма. С устранением коммунистической идеологии из международных отношений выяснилось, что русские больше не виноваты в том, что они коммунисты, но зато виноваты в том, что они русские. С другой стороны, кроме идеологии и кроме русофобии бывают еще и конфликты, порожденные сугубо прагматическими соображениями. Бывает геополитика, т. е. ничего личного, ничего идейного, а только небольшое противоречие по земельному вопросу: кто кого в землю закопает.

***Сохранение суверенитета есть результат динамического
равновесия, нуждающегося в постоянном поддержании***

Просто потому, что два равносильных суверена не могут уместиться в одной точке земного пространства, их обоих чем-то привлекающей. Взаимная помеха порождает конфликт. Так выяснилось, что представление о суверенитете как о недвижимом имуществе чересчур оптимистично. Оказалось, что сохранение суверенитета есть результат динамического равновесия, нуждающегося в постоянном поддержании, и лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой. Если же на бой не ходить, то по инерции суверенитет долго не держится и начинает постепенно рассасываться.

ЧУДО-ОРУЖИЕ

Или даже не постепенно. О технологии бархатных революций образца 2000—2005 гг. было наговорено много глупостей, было много спекуляций, заявок на освоение средств, просто откровенной паранойи, но при объективном взгляде нельзя не признать, что явилось новое и очень важное изобретение, могущее принципиально изменить характер межгосударственных конфликтов. Отвлечемся от того, кто на самом деле победил в Белграде, Тбилиси и Киеве, – пусть победили объявленные победителями Коштуница, Саакашвили и Ющенко и даже пусть победили с запредельным преимуществом, а революционные массы лишь срывали попытку незаконной фальсификации. Поскольку подлинных цифр мы никогда не узнаем (прошло довольно времени, чтобы их обнародовать, когда бы на то была охота), в любом случае это вопрос веры. Штука в том, что объявленный победителем может быть победителем и фактически (как это по допущению имело быть с Ющенко и Саакашвили), а может и не быть. На результат это не влияет, поскольку победитель все равно объявлен заранее, а если итоговые цифры не говорят о его победе, значит, цифры фальсифицированы и массы устанавливают справедливость. Реальные цифры не имеют значения. Имеет значение вера революционных масс и конфирмация этой веры международными наблюдателями, которые тоже все знают заранее. Но тогда ни из чего не следует, что при наличии столь железной схемы всегда можно удержаться от соблазна переменить в другой стране правительство, если оно суверена иной державы почему-либо не устраивает.

Ведь прежде ради такой цели, ради навязывания иной державе своей воли нередко велись кровопролитные войны. 24 июня 1812 г. Бонапарт перешел через Неман не ради территориальных прирезок за счет России и не ради контрибуций. 600-тысячная Великая армия шла в русский поход ради того, чтобы изменить политику России. Бонапарт более не мог терпеть того, что Александр I лукавит, и, вместо того чтобы ценой гибели русской торговли и русского рубля твердо осуществлять континентальную блокаду, он откровенно ее саботирует. Будь великий император знаком с Джорджем Соросом, Джином Шарпом, иными теоретиками и практиками оранжевых революций, не было бы ни Бородина, ни пылающей Москвы. Всего-то и надо было, что собрать майдан на Дворцовой площади С. – Петербурга, где в присутствии международных наблюдателей из Саксонии, Вестфалии, Голландии и Австрии революционные массы выкрикнули бы правильного всероссийского императора, который будет строго соблюдать континентальную блокаду.

Подобно тому как атомная бомба, примененная на деле всего дважды, принципиально изменила военное дело (да ведь и прежде так бывало – артиллерия, автоматическое оружие, паровой флот меняли все способы ведения войны), так и оранжевое изобретение, создавая абсолютно новые возможности навязывания своей политической воли другой стране, столь же принципиально меняет способы ведения политики. Не обязательно завтра применять эту методику – как и в случае с бомбой достаточно уже самого наличия угрозы, чтобы поменялось все, и достаточно сильно. Подобно бомбе, оранжевую методику навязывания внешней воли невозможно изобрести обратно, и с этим теперь надо жить. Следственно – понимать, что новые способы отъема суверенитета на порядок (если не больше) эффективнее прежних.

СУВЕРЕНИТЕТ ВСЮДУ ЕСТЬ, ЕГО НИГДЕ НЕТ, И ОН НИКОМУ НЕ НУЖЕН

Когда это неприятное открытие стало делаться достоянием русских умов, встречаемая мысль (ведь с иллюзиями расставаться всегда не хочется, а уж каждый день куда-то идти на бой за какой-то суверенитет не хочется вдвойне) тут же выдвинула сразу несколько успокоительных соображений. Во-первых, суверенитету ничто не угрожает – посмотрите, сколько стран всячески кобеляются против единственной оставшейся сверхдержавы и при этом никто их особо не трогает. Во-вторых, в современном взаимозависимом мире понятие суверенитета вообще утратило свою актуальность – вместо национальных государств теперь сети и структуры. В-третьих, чего тужить о суверенитете, которого уже все равно нет и не будет, когда и без него совсем неплохо. Сколько есть государств, хоть в той же Европе, вполне себе счастливых, процветающих и при этом (хотя по инерции они все еще называются королевствами) давно уже *de facto* лишенных самостоятельной государственной воли и сделавшихся субъектами местного самоуправления. Гражданин одного из таких счастливых государств, голландский физик Г. – А. Лоренц еще в августе 1914-го сказал: «Я счастлив, что принадлежу к нации, слишком маленькой для того, чтобы делать такие большие глупости».

Призывы брать с Голландии пример и равняться на нее по сей день являются стандартным общим местом, тем более что в бывшем королевстве, а ныне субъекте местного самоуправления жизненный уровень и без всякой государственной воли замечательно высок, а в России он низок, и к тому же Россия со своей этой самой волей все время делает большие глупости. Пора бы и поумнеть, да и вообще

«Хорошо тому живется,
У кого одна нога.
И портка его не рвется,
И не нужно сапога».

УДОБСТВА ЭВТАНАЗИИ

В последнем рассуждении много жизненной правды. Действительно, на склоне своего исторического возраста народам бывает присуще желание впасть в тихое постисторическое засыпание. Жизнь в истории и реализация своей государственной воли – занятие совсем не такое сладостное и зачастую сопряженное с немалыми проблемами и неудобствами, тогда как эвтаназия своего исторического бытия избавляет от многих проблем. Бывают очень благоустроенные богадельни, и отчего же не попробовать – попытка не пытка – приписаться к одной из таких. В конце концов список исторических приключений России таков, что после столь сильного разнообразия однообразное засыпание может показаться вполне приятным. Все-таки суверенитет – это, возможно, и самостоянье, и залог величия, но это самостоянье регулярно требует крови, пота и слез, а историческая эвтаназия ничего такого не требует. А если это даже и не демократия суверенного народа, но всего лишь выборное местное самоуправление (дозволяемое при самых разных и не обязательно демократичных государственных устройствах) – так не в терминах счастье.

Суверенитет – это, возможно, и самостоянье, и залог величия, но это самостоянье регулярно требует крови, пота и слез, а историческая эвтаназия ничего такого не требует

В принципе оно бы и хорошо, и сладостно (по крайней мере, на первый взгляд, за более углубленный не поручимся), но беда в том, что и рады бы в рай (если это точно рай, а не что другое), да грехи не пускают.

В нашем случае грех России – это уже хотя бы ее величина. Впрочем, история с географией тоже вносят свою лепту. Россия в ее нынешнем виде никак не годится на роль десуверенизированного субъекта местного самоуправления. Слишком много населения, слишком большая территория (десять часовых поясов – такого вообще нигде в мире нет), слишком протяженные границы и слишком проблемные соседи.

Историческая эвтаназия возможна только по частям, потому что целиком такой кусок никто заглотить не в состоянии. Не Европа с ее компактными владениями.

ТЕРМОЯДЕРНЫЙ АНЕКДОТ

В принципе возможен и вариант вхождения в прекрасный новый мир по частям, хотя в этой связи вспоминается недавний жизненный анекдот. Один видный реформатор начала 90-х встречался с прогрессивной общественностью, и ему был задан прямой вопрос: имеет ли он какие-нибудь возражения против разделения России на множество компактных демократических государств. Реформатор отвечал, что имеет, и в духе уже старинного анекдота о том, как было двенадцать причин, почему пушки не стреляли, причем первая заключалась в том, что не подвезли пороха, указал на первую причину: Россия есть ядерное государство, и при ее раздроблении неизбежно возникнут проблемы, допустим, между Псковским и Новгородским княжествами насчет того, как делить боеголовки. Данная перспектива представлялась ему столь нежелательной, что об остальных одиннадцати причинах он считал говорить излишним. На это последовало: «И это все, что вы можете сказать?»

Судя по этому анекдоту, покуда было принято считать деятелей начала 90-х исчадиями ада, явилось племя младое, незнакомое и при этом вполне чуждое былым предрассудкам и опасениям. Реформатор, отвечая племени младому, исходил из того, что его спрашивают, как будет распадаться суверенная (а какая же еще?) держава с ядерным потенциалом. Сопрошник же явно презюмировал, что ядерный потенциал (существенная часть суверенитета, между прочим) будет надежно контролироваться некими международными силами (а как же может быть иначе?), и оттого был разочарован глупостью реформатора, не понимающего столь очевидных вещей.

НЕУДОБНЫЙ ЯЗЫК, НЕУДОБНАЯ КУЛЬТУРА

Штука, однако, в том, что в случае с Россией не поможет даже и такой для иных вполне очевидный ход, как одностороннее и полное ядерное разоружение. Допустим, что проблема с боеголовками снята этими самыми международными силами и под благотельным контролем сил России нарезали на удельные княжества, вполне пригодные в качестве постепенно ассимилируемых субъектов местного самоуправления. Двадцать или тридцать Словакии и Молдавии. И тут ничего благодного не получится, потому что сработает эффект теста и топора. Легко раздроблять (естественно, когда время пришло) лоскутную империю из разноплеменных подданных. Менее понятно, как раздробить – и притом навсегда, ибо на время не имеет смысла – титульную нацию России, с тем чтобы евростандартные русские княжества не вздумали вновь воссоединиться. Аналогия с республиками СССР тут не имеет смысла. Наряду с общей советской идентичностью (вполне успешно размываемой временем) нерусские народы СССР имели идентичность свою, что и позволило распаду сделаться окончательно свершившимся фактом.

У русских дело принципиально иное, поскольку со времен М. В. Ломоносова, отмечавшего, что мекленбуржец баварца не понимает, тогда как помор астраханца понимает прекрасно, не изменилось ничего. Язык на десять часовых поясов до удивительности один и тот же, культура, национальные и исторические мифы – одни и те же. Между тем для того, чтобы законсервировать раздробление, необходимы достаточно существенные различия в идентичности, что-то на глубинном уровне должно расклинивать бывшие части единого народа – но этого чего-то не наблюдается. Новую дюжину разных русских языков и русских культур не изобретешь. Единственный способ предотвратить соединение разрубленного теста – жесткое и непрестанное внешнее насилие, как это было с Австрией, которой версальские победители специальным пунктом мирных трактатов запретили воссоединяться с Германией, или с послевоенным разделом Германии, кончившимся, однако, воссоединением.

В этом смысле эвтаназия русской истории, пожалуй что, не имеет перспектив, и призывы (пусть самые искренние и продиктованные лучшими чувствами) «Не теряйте, куме, силы, опускайтесь на дно!» нерезонны. Россия слишком едина и неделима и при этом слишком велика, чтобы решить раздражающую русскую проблему враз и навсегда – посредством полной десуверенизации через уютное раздробление. Другое дело, что можно проводить опыты (хоть и неудачные, но болезненные) в этом направлении, и от этих опытов у нас в очень сильной степени будет отсутствовать уют.

ВОПРОС ДОЗРЕЛ

Впрочем, сложные сценарные планы на тему того, как весьма умная нация-с покорила бы нацию-с весьма глупую и что бы из этого вышло, хотя и имеют познавательное и воспитательное значение, главным воспитателем политического класса более служит время. Переходный период от автоматической убежденности в том, что суверенитет – это навсегда и нечего об этом и думать, к пониманию того, что суверенитет – это то, что выстрадывают и отстаивают, был неизбежен. Как и вообще переход от девственности советских времен к нынешнему состоянию, когда шишек набито уже достаточно много, что дает известную умудренность.

Когда речь идет о неизбежном и необходимом процессе становления политического сознания (новая русская государственность возникает и становится на ноги, и как же без сознания?), объявление проблемы суверенитета надуманной или, хуже того, специально сочиненной правителем и его прислужниками для обустройства каких-то негодных дел представляется довольно плоским. Из того, что некоторый вопрос занимает правителя и его прислужников, следует только то, что этот вопрос их занимает, а на сущность вопроса – если он действительно важен – не слишком влияет. Иначе может получиться так, что завтра В. В. Путин с Д. А. Медведевым задумаются над глубинными вопросами жизни и смерти и на это немедленно последует возражение, что гроба тайны роковые – это все херня преестественная, которую придумали политтехнологи.

Повороту в общественных умонастроениях способствовала гуманитарная бомбардировка Сербии, в ходе которой пришло осознание того, что нас не бомбят только потому, что у России есть гарантия суверенитета в виде ракет с ядерными боеголовками

Тем более что даже и хронология вопроса опровергает версию о сиюминутной придумке. Проблема суверенитета была вдруг очень остро и болезненно осознана весной 1999 г., когда о В. В. Путине очень мало кто знал. Осознанию – и очень сильному повороту в общественных умонастроениях – способствовала гуманитарная бомбардировка Сербии, в ходе которой вдруг пришло осознание того, что нас не бомбят не потому, что мы такие хорошие, и не потому, что прекрасный новый мир – это мир взаимоприятногo сотрудничества, а только потому, что у России есть гарантия суверенитета в виде ракет с ядерными боеголовками, а у Сербии такой гарантии нет. То есть суверенитет – вещь важная и вовсе не надуманная. Так процесс и пошел, а В. В. Путин и прочие к нему лишь подключились.

Одновременно шло осознание другой истины – суверенитет применительно к государству и нации есть то же самое, что свобода применительно к индивиду. Если вовсе не признавать надличностных сущностей, аналогия, конечно, не имеет смысла, но поскольку большинство людей таковые сущности признает, а равно и свободу ценит, то осознание тех преимуществ, которые свободное состояние имеет перед зависимым, пошло довольно быстро. Безусловно, имел место и противопоток, поскольку и у зависимого состояния есть свои выгоды. Коммендация, т. е. отчуждение своих свобод в пользу сильного в обмен на покровительство (или на обещание такового), неоднократно имела место в мировой истории, и значение коммендации в истории нынешнего антитоталитарного движения в России довольно велико.

Однако при сопоставлении этих двух тенденций представляется, что готовность стоять в свободе, т. е. в суверенитете, обретает больше приверженцев. Бог даст, так будет и дальше.

М. Рогожников

ЧТО ТАКОЕ «СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Далеко не всякий суверенитет гарантирует развитие страны и ее граждан. И совсем не каждая демократия означает, что управление страны осуществляется исходя из национальных интересов.

Активно дискутируемый последние полгода термин «суверенная демократия» обозначает в первую очередь не что иное, как статус Российской Федерации. Его никоим образом нельзя считать названием новой идеологии. При этом он, однако, обозначает ту политическую константу, ту область консолидации, к которой пришло российское общество в результате «переверстки» политической системы последнего 15-летия.

Отличие «суверенной демократии» от множества иных определений особенностей демократического строя – либеральная демократия, социалистическая демократия, охранительная, прямая, плебисцитарная и многие другие демократии – состоит в том, что этот термин в меньшей степени касается внутренних особенностей политического режима. Он характеризует политическую систему в целом как с внутренней, так и с внешней точек зрения.

В отношении внутреннего суверенитета суверенную демократию трудно, наверное, трактовать лучше, чем сказанными четыре столетия назад словами Фрэнсиса Бэкона об английском законодательстве: «Суверенитет и свободы парламента – суть два основных элемента этого государства, которые... не перечеркивают и не уничтожают, а усиливают и поддерживают друг друга». А в федеративной России, ищущей баланс прав «субъектов» и федерации, «суверенная демократия» подчеркивает значение демократического начала именно в общегосударственном смысле.

Но не менее, если не более, в трактовке «суверенной демократии» важен аспект «внешнего суверенитета». Мы как-то привыкли рассматривать политическую систему как замкнутую. И при таком подходе, конечно, нюансы ее устройства приобретают чрезмерное значение принципиальных вопросов. Речь не о том, что от вникания в эти нюансы надо вообще отказаться, но о том, что принципиальные вопросы – не эти.

Политико-философский смысл термина «суверенная демократия» основан на современном понимании «нации» как «демократии» (которое отмечает американский историк Джон Лукач). Обратите внимание: раньше, имея в виду страны Европы, говорили о «европейских нациях», теперь же много чаще говорят о «европейских демократиях». Нация – политический этнос, демократия – объединенный идеалами и государственностью народ, в том числе (и в последние десятилетия – как правило) многонациональный.

Надо только оговориться, что «демократия», безусловно, не целиком заменила собой многозначное понятие «нация», а лишь одно из его значений – так называемое «государство-нацию».

Так что, когда мы говорим о суверенной демократии, мы имеем в виду Россию как суверенную демократическую нацию. То есть мы живем не «при», а «в» суверенной демократии. Этот термин тем не менее косвенно определяет и внутренний характер демократии как способа политического устройства общества. Каким образом – станет ясно после того, как будут уточнены смысл и актуальность определения «суверенная».

Современное понимание суверенитета демократического государства означает, что государственная власть, основанная на суверенной воле народа, независима от кого бы то ни было во внутренних делах и в международных отношениях. Суверенитет отнюдь не столь сама собой разумеющаяся вещь, как может показаться. Непосредственно основанное на идеях Вудро Вильсона и провозглашенное затем в учредительных документах ООН равноправие и

самоопределение народов (суверенное равенство) на практике ни до, ни после возникновения новейшей системы международного права не обеспечивало одинакового уровня суверенитета всем странам.

Современное понимание суверенитета демократического государства означает, что государственная власть, основанная на суверенной воле народа, независима от кого бы то ни было во внутренних делах и в международных отношениях

Так, до 1918 года полностью суверенными были «державы»: АвстроВенгрия, Великобритания, Германия, Россия, Франция, Италия, Соединенные Штаты и Япония. А как отмечал позднее Николай Васильевич Устрялов: «Для подавляющего большинства „суверенных“ государств это право становится все более и более абстрактным, поскольку реально каждое государство все в большей степени зависит от условий международной жизни. А вслед за внешним суверенитетом под угрозой оказывается и внутренний».

Сейчас полностью суверенными можно считать США, Китай, Россию, Великобританию (занимающую особую позицию по ряду вопросов в ЕС) и Индию. Наибольшим испытаниям по разным причинам подвергаются суверенитеты Великобритании и России. Нашей стране удалось удержать развалившийся суверенитет СССР, но борьба за него не только не завершена, но скорее разгорается.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1991 года и «Беловежские соглашения» о создании Содружества Независимых Государств только начали процесс установления Российской Федерацией суверенитета (верховенства политической власти и законов РФ) на всей ее территории и в международных отношениях. Этот процесс далеко не закончен до сих пор. Он осложняется внешними факторами и противоречив внутренне.

Начать с того, что постановка всерьез вопроса о статусе России как «суверенной демократии» десять с небольшим лет назад вызвала бы и у Запада, и у многих в России искреннее недоумение. То, что «центр управления» находится за пределами страны, было фактом и считалось нормой.

То есть на формальную независимость никто не покушался, да и кому она была нужна? Но общеочевидным казалось, что экономическая политика страны подконтрольна МВФ, который управлял российскими финансами, и Всемирному банку, управлявшему приватизацией и отраслевой политикой.

Столь же очевидным было, что политический режим устойчив в той степени, в которой он устраивает группу ведущих стран, прежде всего США. Мало у кого вызывало протест то, что там выставляются оценки степени «демократизации». Общим был курс на интеграцию в некое «мировое сообщество» на условиях этого сообщества.

У нас на глазах за последние пять лет эта картина изменилась до неузнаваемости. В экономике это лучше всего заметно по динамике внешнего долга и в целом по характеру взаимодействия с международными институтами. Что касается политического суверенитета России, то здесь изменения четче всего фиксируются не по внешней, а по внутренней политике. Не претерпев никаких изменений за семь с половиной лет (с конца 1993-го по середину 2000 года), за пять последующих политическая система России трансформировалась почти полностью. Неизменным по сути остался только институт президентства, но и тот основан на новом законе. При прежнем характере отношений с «мировым сообществом» такая динамика была бы невозможна.

Растущий суверенитет создает новые вызовы. Место России в мировом порядке никому не понятно, разброс вариантов огромен. Во внутренней политике оппозиция получила зарубежную поддержку, чего нельзя было себе представить в предыдущее десятилетие. Никто пока

не собирается оставить в покое Юг России, который является источником событий, время от времени потрясающих до основания всю страну.

В экономике на роль МВФ и ВБ претендуют международные корпорации, для которых Россия становится все более привлекательным объектом по ряду причин, среди которых и политическая стабильность, и феноменальная конъюнктура сырьевых рынков, и слабость национальной финансовой системы.

Большинство перечисленных вызовов – пока еще проба сил, но это до поры до времени.

Растущий суверенитет создает новые вызовы. Место России в мировом порядке никому не понятно, разброс вариантов огромен

Еще серьезнее, однако, то, что постановка вопроса о России как о суверенной демократии нова не только для «мирового сообщества», но и для нашей собственной элиты.

В политическом дискурсе это выражается, с одной стороны, в полном отказе традиционных демократических групп (ультралибералов) обсуждать сам вопрос о способности нашей страны сказать свое слово как во внутренней, так и в мировой политике. А с другой стороны, с этими группами парадоксальным образом смыкаются традиционалисты более старой закваски (ультраконсерваторы), сваливающиеся в апологетику характерной якобы для России военно-полицейской модели.

И те и другие, однако, одинаково сильно любят иностранные деньги. И обладают одинаковой склонностью к монопольной концентрации власти и собственности.

При этом ультралибералы являются прямыми противниками суверенной демократии, стремясь вернуть «центр управления» за пределы страны. Риторика ультраконсерваторов противоположная – закрытость от внешнего мира, государственная монополия на политический и экономический процесс. Однако, поскольку и то и другое приводит к краху, победа точки зрения ультраконсерваторов дала бы результат, совпадающий с намерениями ультралибералов, что уже и произошло 15 лет назад.

В либерально-консервативной части политического поля должны сосредотачиваться национальная буржуазия, военные, средний класс и их духовные и политические представители. Сейчас эти группы, весьма обширные и потенциально очень влиятельные, в очень небольшой степени сознают свои общенациональные интересы, и прежде всего то, что проект России как «суверенной демократии» – это их проект.

В. Сурков

СУВЕРЕНИТЕТ – ЭТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ КОНКУРЕНТО– СПОСОБНОСТИ

Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия»

Развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию, а кроме того, пытались добиться такого устройства собственной жизни, в котором они могли бы быть свободными и чтобы мир по отношению к ним был справедливым. Именно материальный успех, свобода и справедливость составляют основные ценности, которые мы с вами разделяем.

Не буду удаляться в историю Европы, хотя каждый из вас представляет, что именно так и развивалось общество в Европе, так развивались все народы. Постепенно все большее количество людей получало доступ к знаниям, развивались массовые коммуникации, системы транспорта и связи. Все большее количество людей начинало участвовать в принятии решений, вершиной чего стало появление массовых демократий, не очень давно, 100 лет назад. Напомню, что всеобщее избирательное право, всеобщее право участвовать в политической жизни – это изобретение недавнее.

Но мы все вроде бы согласны, что изобретение это прогрессивное и в таких обществах жить и выгоднее, и интереснее. Естественно, человек, у которого есть знания, человек, который может участвовать в той или иной степени (кто-то больше, кто-то меньше) в принятии решений по демократическим процедурам, у такого человека и больше свободы выбора, и больше чувство собственного достоинства. В связи с этим и социальная технология, и технология власти, и технология самоорганизации общества становятся все более сложными, все более, если угодно, мягкими и изощренными. От принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления – к сотрудничеству, от иерархии к сетям горизонтальных связей.

Демократия в России – это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов

Хочу сразу предварить вопрос: при чем здесь, собственно, мы? А между тем вещи, о которых я говорю, абсолютно прикладные. Просто демократия в России – это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в нашей политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения. Как ни парадоксально, демократическое общество, по моему мнению, сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею. Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова.

Для начала хорошо было бы объяснить по поводу того, что с нами со всеми случилось при нашей жизни. Все мы застали Советский Союз, все мы застали сложную эпоху 90-х, все мы живем сегодня и собираемся жить завтра. У нас не выработано консенсуса в обществе по оценке недавних событий. Следовательно, не выработан подход к нашему будущему. Я предлагаю начать с себя и попытаться сделать так, чтобы основные оценки стали для нас общими и чтобы мы могли смело ими оперировать.

Никакого секрета не открою, если скажу, еще раз повторившись, что Россия – это европейская страна. И какой бы особенной мы ее с вами ни считали, и какой бы странной ее ни считали те, кто смотрит на нее со стороны, все-таки, как и Президент указывал в своих выступлениях, мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны.

И абсолютизм в России достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции. Ничем мы здесь не хуже и не лучше других.

Скажем так, торговлю людьми Россия отменила и запретила даже раньше, чем это сделали Соединенные Штаты Америки.

Парламентаризм у нас тоже не намного младше, чем в других странах. Что касается того, что у нас в XX веке родилось довольно странное тоталитарное государство, то и здесь следует помнить, что мы не были одиноки, что в той же Европе существовала нацистская Германия, фашистская Италия, франкистская Испания... Мы в этом смысле не уникальны, и мы не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других.

Бердяев, наш выдающийся мыслитель, еще в начале прошлого века говорил: «Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей». Это русская мысль, она нами не заимствована ни у Маркса, ни у Гегеля, это наша. И в связи с этим, наверное, было бы важно понять, что представлял собой СССР. Мы, безусловно, должны с уважением относиться к тому, что сделали наши предки. Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все – наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами.

Я бы сказал, что у Советского Союза было два крупнейших достижения: с одной стороны, мощная идеологическая работа, которая была развернута в планетарном масштабе, и Советский Союз тоже оперировал понятием свободы и справедливости. Хотя нам самим не очень поздоровилось от всей этой работы, но на весь мир эта мощная поддержка, как военная, материальная, так и просто моральная, оказала огромное влияние, о котором мы сегодня забываем. Мы забываем, как Советский Союз был популярен среди западных интеллектуалов самого демократического толка.

Советский Союз благодаря своим мощным идеологическим усилиям стимулировал освобождение колоний, ускорил гармонизацию социальных отношений в самих странах Запада и этим самым оказал благотворное влияние на мировой ход истории.

С другой стороны – индустриализация. Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами. Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы – это все наследство Советского Союза.

При всем этом общество, которое у нас получилось тогда, вряд ли можно назвать свободным или справедливым. Мы, наверное, не должны тут долго разговаривать. Я думаю, все с этим согласятся.

Большая проблема была также в том, что такое замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийнодогматической точки зрения, а не с прагматической, воспроизводило неэффективную элиту. В общем-то ничего удивительного нет в том, что в один из самых драматических моментов развития Советского Союза на вершине власти оказались личности недостаточно высокого уровня. Может быть, в то время, когда нужны были люди масштаба Петра Великого, пришла к власти малообразованная и мало отдающая себе отчет в своих действиях группа товарищей. Это была «мина», заложенная в самой системе: она не могла воспроизводить другую элиту.

Это общество было не только несправедливым и несвободным. Оно и не решило материальные вопросы, оно явно отстало по удовлетворению потребностей людей в новом качестве жизни от тех же западных стран.

Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась.

Отказ от такого общества был неизбежен. Не надо считать крушение Советского Союза итогом интриг ЦРУ или заговором партийной верхушки. Это такое бегство от реальности. Был объективный процесс, который, как известно, пошел. Надо сказать, что российский народ сам выбрал такую судьбу – он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел. И он попытался вернуться к демократическим ценностям, которые, замечу, были подробно прописаны в советской конституции.

В этом смысле Советский Союз был, безусловно, модернизационным крупнейшим проектом. Он уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы. Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь.

Советский Союз уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы

Думаю, этот путь не мог быть простым, прежде всего потому, что, конечно, страна была в массе своей не готова и не могла быть готова к жизни в условиях современной демократии. Прочитирую Ивана Ильина, который еще в 40-х годах предвидел крушение советской власти и пытался описать то, что произойдет после этого. Он писал так: «Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса».

Кризис был неизбежным, потому что ведущий слой в общем-то исчез. Естественно, остатки старой номенклатуры в рыночных условиях очень быстро сдружились с шустрыми самодельными коммерческими коллективами. Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло. Сейчас мы просто это забываем, но на полном серьезе декларировалось, что чем меньше государства, тем лучше. А сведи его к нулю, так вообще станет все хорошо. Естественно, этот вакуум заполнялся, естественно, что именно такие самодельные и амбициозные коммерческие руководители подменили собой в ряде случаев власть. Ни для кого не секрет, что целые министерства, регионы, партии находились под контролем отдельных финансовых групп, причем под самым прямым и буквальным контролем. Может быть, ничего плохого в этом и не было бы, если бы это не было абсолютной подменой понятий. То есть вместо того, чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что справедливо названо олигархией.

В чем, собственно, проблема олигархии? Прежде всего она нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег. Там такого не написано.

Олигархия нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег

Во-вторых, проблема еще и в том, что это ведь действительно власть не многих. Это даже не тысячи людей. Это единицы людей. Их всех можно по пальцам пересчитать. Они не представляли не только большинства, которое, безусловно, теряло от реформ и переживало их очень болезненно, но они и не представляли, хотя это странно звучит, даже обогащающиеся

меньшинство. Даже бизнесмены, даже те, кто стал успешно делать карьеру в то время, они не давали им доверенности на то, чтобы они представляли хотя бы их интересы. Такого ведь не было. Они скорее дискредитировали деловое сообщество своими непомерными амбициями.

В результате все основные идеи демократии были искажены. Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги. Мы получили манипуляцию вместо представительства. Мы помним выборы 1996 года, может быть, кто-то из присутствующих в ходе них уже и работал, как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом.

Комментировать то, как это произошло, мы с вами не будем: понимаем, как. Более того, это публично оправдывалось. Вот что пишет корреспондент Washington Post в 1997 году: один из известных российских либералов «сказал мне, что любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданны. Если прожили 75 лет при коммунизме, как далеко вы пойдете, чтобы не допустить его возвращения? – спросил он». Нельзя не повторить: «любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданны». Говорится публично представителям иностранной прессы. Куда делся закон и что было поставлено во главу угла, на чем основывалось это общество? И вот эти люди нас сегодня учат демократии и рассказывают нам о том, что она куда-то там сворачивается. Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия.

Коррупция заменила собой конкуренцию. Здесь еще раз процитирую. И тоже западный источник того времени Маршалл Голдман: «Значительными инвестиционными средствами обладали мафиозные группы, нечестные директора предприятий и магазинов, правительственная и управленческая элита, которые могли заранее присвоить себе то, что раньше составляло государственную и партийную собственность...». Это тоже к слову о том, была ли там конкуренция, были ли там реальные рыночные отношения или это все-таки был скорее выбор, густо замешанный на коррупционных подходах.

Свобода слова тоже имела особый смысл: ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и большей частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых.

Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт.

Чтобы подчеркнуть драматизм той ситуации, могу сказать, что в прошлом году мы вроде бы вышли на уровень 60% зарплаты учителя по отношению к уровню 1989 года. Можно представить, куда мы откатились, если до сих пор наш учитель получает меньше, чем при советской власти.

Приватизация, в целом явление благотворное, в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы.

Ясно, как кто-то справедливо заметил, это было назначение группы товарищей миллиардерами, то есть вас вызывали и говорили: «Ты назначаешься миллиардером».

В федеративных отношениях царил хаос. Например, конституцией Республики Тыва закреплялось право этой республики выйти из состава Российской Федерации. Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с Российской Федерацией. Так было в очень многих случаях. Об экзотических экономических местных законах, странных экономических моделях на местах тоже много смешного можно рассказать. Нигде федеральный закон не считался выше, чем региональный. Апофеоз центробежных настроений – мятеж в Чеченской Республике, поднятый шайкой уголовников, который привел к большим страданиям самого чеченского народа прежде всего и позорной хасавюртовской капитуляции. Согласно хасавюртовскому соглашению определение статуса Чеченской Республики откладывалось на несколько лет.

То есть на вопрос о том, входит ли Чеченская Республика в состав России, вы не могли дать утвердительный ответ. Что это, как не нарушение территориальной целостности России?

Внешние заимствования, оправдать масштаб которых очень трудно даже сейчас. И даже издав далеко уже анализируя, почему так много занимали, и зачем занимали, и зачем были нужны краткосрочные и столь дорогие заимствования, непонятно. Но зато приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически страна была на грани потери государственного суверенитета.

Дилемма была простая – либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой

Если то, что я описал, есть демократия и если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра? Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек? Вообще что такое свобода? Помимо того, что это идея, это то, чем вообще-то надо бы пользоваться. Разве может обнищавший забитый человек пользоваться своей свободой? Только в каком-то разве что разбойничьем смысле. Что касается богатых людей, многие из вас тогда занимались бизнесом, помнят, что количество заказных убийств, количество заказных уголовных дел создавало у любого предпринимателя ощущение зыбкости и непрочности всего, что он делает для себя и для своей семьи. Разве это свобода? Это, может быть, воля, опять же разбойничья – «пан или пропал» и так далее. Но свободой в нормальном, цивилизованном смысле слова считаться такое свинство, конечно, не могло. И такой режим не был жизнеспособным, он был обречен. Но дилемма была простая – либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой. Могло показаться, что Россия уже кончается, что то, что мы видим, – это просто затянувшаяся агония советской системы.

В общем, стоял вопрос – быть или не быть. Россия, как всегда свойственно российскому народу, ответила: «Быть!». И ответила в том числе путем выборов – Президентом был избран Владимир Владимирович Путин, и, собственно, он должен был заниматься нормализацией ситуации в стране.

Очень важно подчеркнуть, что 90-е годы (при том, что это был действительно олигархический режим) ни в коей мере мы не должны считать потерянными для России, временем сплошных безобразий. Мы не должны забывать, что в 90-е годы были начаты громадные реформы и масса позитивного, и прежде всего, пусть даже в таких извращенных, я бы сказал, условиях, сложных условиях, но осваивались новые социальные практики, люди привыкали к выборам, люди учились работать в рыночной экономике.

И одно из самых важных достижений 90-х, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробились по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации.

В такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробились по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации

Что касается первых шагов Президента Путина, то мы помним, что было объявлено о диктатуре закона. Мы помним, что была объявлена политика стабилизации. Я бы все это вместе назвал политикой демократизации. Хочу это подчеркнуть, потому что, когда вам внушают,

что кто-то сворачивает демократию, это абсолютное извращение и подмена понятий. Я только что описал то, что мы получили. Все что угодно, но не демократию. Президент возвращает реальный смысл слова «демократия» всем демократическим институтам.

Начнем с того, что его политика пользуется поддержкой большинства населения. Как известно, главный принцип демократического общества – оно устроено и основывается на мнении большинства. Нельзя было этого сказать о режиме 90-х годов.

Что касается дальнейших его шагов, они все описываются очень простым подходом: выполняйте то, что здесь написано, вот Конституция, там написано «это», выполняйте «это».

Мне кажется, ничего более демократичного, чем такое требование, придумать нельзя, потому что просто было предложено всем исполнять Закон, а не извращать его смысл. Это есть основа демократического общества. Оно должно быть правовым и должно основываться на законе.

Были приняты законы об ответственности глав регионов. Тоже было подано как некая попытка найти управу и так далее. Хорошо, а почему глава руководящего органа не должен отвечать, если он совершает противоправные действия и нарушает права граждан? Почему он должен занимать эту должность, если он грубо нарушает те или иные законы? Тоже, на мой взгляд, абсолютно нормальное решение в рамках действующей Конституции.

Было предписано всем привести уставы в порядок, чтобы таких статей, которые я процитировал, в местных конституциях и уставах не наблюдалось. Было еще раз повторено, что федеральный закон выше регионального.

Но чтобы доказать это и убедить людей в очевидном, понадобилось несколько лет.

Олигархи. Хотел бы напомнить, что олигархи – не просто крупные бизнесмены. Не любой крупный бизнесмен является олигархом, как сейчас почему-то стали думать. Олигархи возникают там и тогда, где и когда крупный бизнес пытается подменить собой государство. Было предложено равноудалиться, не болтаться по Кремлю, не шататься по министерствам и не решать вопросы, не входящие в компетенцию. А так, в целом, ходить вместе и ставить общие вопросы для общего развития рыночных отношений. Было предложено платить налоги. Все мы знаем об освобожденных от налогов фирмах, где работали 50 инвалидов и через которые проходила вся выручка крупнейших нефтяных компаний. Было указано на недопустимость. Это что? Какое-то подавление бизнеса? Всем известен другой скандал с крупной нефтяной фирмой. Оказывается, они добывали на просторах Сибири не нефть, а скважинную жидкость, которая чудесным образом становилась нефтью, доходя до НПЗ. В чем здесь проблема? Кто здесь прав, а кто виноват? Подобный элементарный вопрос в любой стране мира был бы решен беспощадным, жестким образом, потому что, добывая нефть, не надо всем рассказывать, что ты добываешь скважинную жидкость. А надо говорить: «Я добываю нефть», – и честно платить налоги. Потому что в нашей стране живут еще 140 миллионов человек, у которых нет нефтяной скважины во дворе и которым тоже надо деньги зарабатывать. Социальная справедливость требует не очередного передела собственности (зачем к одной несправедливости прибавлять другую?), а честной уплаты налогов.

Судьба средств массовой информации обильно оплакана мировым сообществом. Напоминаю, Первый канал всегда, и в 90-е годы тоже, был каналом, в котором был контрольный пакет государства. Те, кто влиял на его политику откуда-то со стороны, делали это незаконным образом. Как был этот канал государственным, так он им и остался. Он никогда не был ни общественным, ни частным. В чем здесь проблема, тоже непонятно. Еще один известный частный канал набрал у государственных компаний кредитов больше, чем его собственная капитализация, и возвращать их не собирался. Ему сказали: «Либо верни кредит, либо поступай в распоряжение кредитора...». Нормальная рыночная практика, абсолютно понятная, та, которую невозможно оспорить. Что в этом решении политического? Политическим решением было бы, напротив, оставить канал в той ситуации, в которой он, называя себя рыночной структурой,

вел бы себя нерыночным образом. Не возвращать долги – это противоречит законам. Если ты их не вернул, поступай в распоряжение кредитора. Если кредитором оказалась государственная структура, ну что ж... У государства он кредитовался, потому что никакой частный банк не дал бы этой фирме кредитов больше, чем размер ее собственной капитализации. Только государство в минуты своего олигархического безумия могло это сделать. Вот и все! В чем здесь проблема? Где здесь свобода слова? И где здесь несправедливость?

Зарплаты и пенсии стали платить вовремя. Оказалось тоже, что это не очень сложно сделать. Но почему-то до Путина этого никто не делал. Это тоже было выполнение закона, потому что только у нас в 90-е годы можно было себе представить, что человек заработал деньги, но их не получил. Как это так? Я работал на заводе на окладе. Представляю, подхожу к окошку, а мне говорят: «Знаете, нет сегодня денег». Я бы умер через две недели. Вообще как это может поместиться у кого-то в голове? Тем не менее было.

И восстанавливая здесь порядок, мы тоже привели ситуацию в соответствие с действующим законодательством, которое не велит не платить денег людям, а велит как раз платить то, что человек заработал. И это, кстати, тоже гарантировано Конституцией.

Был проведен референдум в Чеченской Республике и восстановлена территориальная целостность Российской Федерации, восстановлен фактически суверенитет русского народа на всей территории Российской Федерации

Была приостановлена практика активных и бессмысленных внешних заимствований, и, как выяснилось, ничего страшного с нами не случилось.

Очень важный момент: был проведен референдум в Чеченской Республике и восстановлена территориальная целостность Российской Федерации, и минимизирована активность тех негодяев, которые истребляли чеченский народ и нападали на другие регионы страны. Был восстановлен фактически суверенитет русского народа на всей территории Российской Федерации. На всей ее территории стали действовать ее законы.

Мне кажется, все эти действия исключительно демократичны, потому что направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства.

Цифры, которые говорят о достижениях, называть не буду: они опубликованы, напоминаю, в выступлениях Президента и руководства партии. Скажу только, что с 1999-го по 2004 год реальные доходы граждан возросли на 76%. Это много. Но чтобы никто не зазнавался, скажу также, что они, по оценкам экспертов, составляют 88% от уровня доходов граждан в 1991 году. Сделано очень много, но далеко не все. Мы даже, повторюсь, не вернулись на уровень благосостояния, который был в последние годы советской власти.

О том, что было, мы поговорили вдоволь. Конечно, интересно и важно, что будет. Политика Президента Путина очень ясна. Она изложена и в его посланиях, и в его выступлениях на самые разные темы. Как же может развиваться Россия, какой она должна быть страной в будущем? Прежде всего она должна быть страной процветающей, где люди благополучно живут. Ясно, что просто это декларировать может каждый. Вопрос – как это сделать и что для этого нужно? Думаю, что два стратегических условия должны обеспечить долгосрочное устойчивое развитие – демократия и суверенитет. Необходимость демократии очевидна, ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным. Потому что если в обществе снижен уровень соревновательности, если оно не воспроизводит все время эффективный лидирующий класс, то у такого общества не получится ничего.

Кроме того, немаловажный прагматический момент: если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в

мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых, как мне представляется, модернизация России невозможна.

Наконец, мне кажется, в демократическом обществе жить все-таки комфортнее. Может быть, я субъективно рассуждаю. Но мне кажется, оно более приятно для жизни.

Что касается суверенитета: почему мы, собственно, должны все время о нем помнить и его беречь? Есть такое явление – глобализация. Сейчас говорят, что национальное государство устарело, оно слишком большое, чтобы решать маленькие задачи, и слишком маленькое, чтобы решать большие задачи. Есть такое модное рассуждение. Действительно, в процессы глобализации – обмен технологиями, товарами, всеобщий открытый рынок – вовлечены волей или неволей в той или иной степени все народы мира. Но не надо при этом думать, что это такой новый коммунизм. Выгоды от глобализации распределяются неравномерно. Не хочу сказать, что они распределяются несправедливо, хотя многие думают так, но они неравномерно распределяются.

В подтверждение своих слов процитирую великого русского поэта. Он, оказывается, тоже размышлял на эту тему. Иосиф Бродский, работа «Взгляд с карусели», 1990 год: «Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. Отсутствие международного антитрестовского законодательства обеспечивает перспективу абсолютно ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы – доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но...» дальше важно: «... но торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя. Финансовое могущество принимает обычно разнообразные формы экспансии – экономической, политической, культурной. Купить проще, чем убить. Национальный долг, как форма оккупации, надежнее воинского гарнизона. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы, высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников»... то есть стран, оккупированных на новый лад. Это говорит поэт Иосиф Бродский, отнюдь не сторонник теории заговора. Думаю, он прав. При всех радостях глобализации, как говорится, дружба дружбой, а дивиденды американцы считают там у себя, англичане – у себя, канадцы – у себя, ну а мы, грешные, – у себя, а большинство считает убытки... Поэтому когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас.

Когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас

Быть самостоятельной нацией для начала просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передоверим это все, так сказать, транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, которые спят и видят, как бы нас похитрее благотворить и подороже облагодетельствовать, делать им больше нечего... Мне кажется, что в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы. Один известный политолог удачно сказал, что из нас хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории. Думаю, в целом это так. Это не значит, что они враги. Нет, они конкуренты. Вот тут, я вижу, бизнесмены есть, они знают, что это такое. Ничего личного. Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении. Это нормально. Мы должны к этому спокойно относиться и не обижаться ни на кого. Надо просто самим быть конкурентоспособными.

Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе, это политический синоним конкурентоспособности

Суверенитет – это не крепость Россия, как трактуют некоторые наши критики, это не то, что мы с вами взяли и закрыли свои избушки, с утра до вечера пьем водку, дверь на засове держим и знать не знаем соседей, нет! Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности.

Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка. Здесь причина тоже проста. Есть целое направление либеральной мысли, которое предлагает России уйти из глобальной политики. «Давайте сядем в свой дом и будем его обустраивать», – говорят нам многие. Мы не против обустройства дома. Но, во-первых, дом так расположился, между трех океанов, что если даже мы захотим в нем тихо сидеть, к нам все равно придут и спать нам не дадут.

Во-вторых, мне кажется, если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то скорее всего эти решения будут приниматься ей в ущерб. Это почти очевидно. Что думать о том, кто не может тебе возразить? Его интересы в последнюю очередь, и опять же не потому, что люди плохи или хороши, люди просто таковы. И ничего с этим не сделаешь.

Есть и самая романтическая из важных причин сохранения национального суверенитета: русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом, мы нация, привыкшая к государственности. И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран мы всегда были носителями государственной идеи. Ясно, что некоторые страны, которые объявляют своей национальной идеей вступление в Евросоюз, очень счастливые страны: им много думать не надо. У них все очень просто. Москаля плохие, они во всем виноваты, мы сейчас побежим в Брюссель, и там все будет хорошо. Надо помнить, что все эти нации ни одного дня в своей истории не были суверенными, они не имеют навыка государственного существования. Поэтому вполне понятно, что, когда в Москве не сложилось или сложилось не так, как хотелось, они сразу же, не задумываясь, бегут к другому хозяину. Это нормально. Были провинцией одной страны, станут провинцией другой. Я не представляю себе русских, россиян, которые думают так же: «Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас облакают, обогреют и будут нами руководить». И винить нам некого, кроме самих себя, в том, что с нами случилось. И бежать нам некуда, кроме как к себе домой. Вот еще одна, и для меня вообще важнейшая, причина того, что Россия должна быть самостоятельным государством, которое влияет на мировую политику.

Россия должна содействовать выработке справедливых правил глобализации. Надо препятствовать монополии одной или двух стран в любой жизненно важной отрасли, поддерживать создание новых резервных валют, новых транспортных и информационных систем, новых международных центров высоких технологий. Развивая демократию в нашей стране, мы заинтересованы в демократизации и международных отношений. В них не должно быть места диктату. Свободные нации должны соревноваться и сотрудничать по справедливым правилам.

Мы, конечно, восстанавливаем свои позиции в мировом сообществе. Но я бы хотел напомнить, каким образом. Россия является одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН, имеет право вето, как известно. Насколько все это эффективно – вопрос другой, но это очень почетный статус. Хотел бы напомнить, что статус этот добыт не нами с вами – он явился результатом итогов Второй мировой войны, в которой одержали победу наши отцы и деды. Это наше наследство.

Мы также являемся членом «Большой восьмерки», даже председательствуем в ней в этом году. Хотел бы также напомнить, что по экономическим показателям Россия не вполне вписывается в «Большую восьмерку» и в этом смысле нам дали аванс, чтобы нас из виду не упустить.

Вот так мы и живем между наследством и авансом. Мне кажется, проблема нашего поколения в том, что свой вклад мы пока всерьез не внесли. Мы только переходим от политики

стабилизации к политике развития. Нет ни одного крупного экономического или социального достижения, которое совершило бы наше с вами поколение. Об этом надо помнить. Уже и апломб появился, уже и миллиардер на миллиардере сидит и миллиардером погоняет и говорит: «Мы самые умные и все понимаем». Миллионеров вообще девать некуда.

Люди настолько горды, как будто порох изобрели. Но они ничего не изобрели. Да и амбициозных голодранцев хватает, которые думают, что они хозяева вселенной, неизвестно, на каком основании. Пока мы не заработали реально, сами, своим трудом статус ведущей мировой державы.

Конечно, не в плюс демократии – бедность. И если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не может быть устойчивым.

Рентабельность демократии не для всех пока очевидна. Она должна быть выгодна ее гражданам в самом прямом смысле слова. Она должна обеспечивать получение гражданами материальных благ, зарабатывание денег и так далее. Нашей демократии еще предстоит доказывать свою эффективность в этом направлении. Уклонение от уплаты налогов, коррупция подрывают экономическую базу демократии. Устойчивое развитие свободного общества, свободной экономики предполагает более справедливое распределение национального продукта.

Основные угрозы суверенности нашей нации – это международный терроризм, угроза прямого военного столкновения, неконкурентоспособность экономики, мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям»

Что угрожает суверенитету как составной части нашей существующей и будущей политической модели? Основные угрозы суверенности нашей нации – это международный терроризм; это (к счастью, пока очень гипотетическая) угроза прямого военного столкновения; неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям» при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям. Чуть подробнее остановлюсь на каждом моменте.

Борьба с международным терроризмом – одно из основных направлений работы Президента и вашей работы. Естественно, тут велика роль наших спецслужб. Кроме силы, очень важна работа гуманитарного и экономического характера. Уже многократно говорили о социализации Кавказа, возвращении туда нормальных основ функционирования общества, занятости, восстановлении культурного единства наших народов. Это сложная задача, она на десятилетия, но надо верить в ее реализацию и верить в то, что мы с этой задачей справимся.

По внешним угрозам военного характера, повторяюсь, на сегодня так вопрос, к счастью, не стоит, но мы все реалисты и, к сожалению, должны признать, что всяко может быть, и, естественно, наша армия и военно-морской флот – основа нашего национального суверенитета, в особенности, конечно, ядерные силы. И этому вопросу будет уделяться самое большое внимание и сейчас, и в будущем.

Экономика. Не будет у нас, конечно, армии, не победим мы терроризм, ничего мы вообще не решим, если у нас будет «хромая» экономика. Экономический рост у нас большой, довольно впечатляющий, но, опять же, надо вспомнить, от какого уровня мы растем, и не особо зазнаваться.

А во-вторых, не всегда понятно, что там у нас растет. Структурная перестройка экономики чудовищно затянулась, и рано или поздно эта проблема, плавно ли, жестко ли, но даст о себе знать. И огромные государственные расходы, и неэффективная бюджетная сфера, и слабое развитие передовых отраслей экономики – это проблемы. Естественно, много разговоров, споров о том, что с этим делать. Есть адепты такого либерального мракобесия, которые предлагают просто все либерализовать до крайней степени, и само все вроде как образуется. Конечно, это не так. Общество должно думать и вырабатывать реалистическую модель дальнейшего раз-

вития. Собственно, Президент Путин уже обрисовал эту модель, хотя мы находимся в начале пути. Надо использовать свои конкурентные преимущества и развивать их. И когда мы говорим о высоких технологиях и так далее, мы как-то забываем сказать, откуда они возьмутся. Мне кажется, надо брать то, что у нас и так получается, и просто делать это лучше.

Концепция России как энергетической сверхдержавы, мне кажется, вполне соответствует этому подходу. Все-таки топливно-энергетический комплекс – это главный наш экономический комплекс, который дает львиную долю нашего национального продукта.

Естественно, речь ни в коей мере не идет о том, что надо быть и оставаться так называемым сырьевым придатком. Задача не в том, чтобы стать очень большим сырьевым придатком, а в том, чтобы максимально используя наши возможности, развить их и вывести на новый качественный уровень. Возможно, для начала мы должны научиться добывать нефть и газ более современными способами. Для начала мы должны качественно улучшить наш ТЭК, причем не только путем закупки оборудования на Западе, тогда мы действительно станем спецназом, охраняющим их трубу. Мы должны получать доступ к технологиям, экспортируя газ, нефть, нефтепродукты. На мой взгляд, мы должны думать не только о том, сколько денег за это взять (об этом, конечно, само собой надо думать), но деньги, извините за выражение, это бумага. Мы ведь имеем дело с мировыми эмиссионными центрами. Ну что там американцам эти деньги? Они сколько надо, столько их и «нарисуют». Нам нужны знания. Нам нужны новые технологии. Тогда и проблемы Стабфонда не будет – куда сплавить то, что набрали.

Если мы получим доступ (в кооперации, конечно, с западными странами, в добром сотрудничестве с ними) к новым технологиям, пусть, может быть, не самого последнего дня, мы потом сами, развивая свою систему образования (мы в общем-то не глупые в целом люди), сможем выйти уже на те самые высокие технологии. У нас есть энерго-машиностроение, которое, конечно, отстало, но у нас есть база, у нас есть люди, у нас есть специалисты, у нас есть от чего плясать. И это надо обязательно использовать. Конечно, нужно развивать и технологии энергосбережения, развивать новые технологии в области транспортировки энергии, энергоносителей, у нас есть и не утрачены пока, к счастью, хорошие возможности в области атомного энергетического комплекса, и это пользуется спросом.

Россия должна в кооперации с другими странами думать о топливе будущего, используя преимущество, что у нас столько углеводородного сырья, нужно уже думать о том, что будет после того, когда это все закончится. И если Россия сможет за счет своих сегодняшних возможностей попасть в международный кооператив, который создаст топливо будущего, тогда наши дети будут жить спокойно. А если мы все проедем сегодня, пропьем, прогуляем, тогда кто ж нам спасибо скажет?

Также мы имеем определенные навыки в освоении космоса.

У нас есть оборонный сектор. Финансирование научно-исследовательских работ в оборонке возросло в разы за последние годы. Здесь тоже мы не должны утрачивать наши возможности, причем полагаю, что даже в оборонной промышленности по некоторым направлениям можем кооперироваться с другими странами.

Транспорт и связь. Само расположение России делает ее хорошей дорогой между Востоком и Западом. Здесь тоже есть к чему стремиться и есть с чего начинать.

Спрашиваю одного знакомого: «Что так мало дорог строим?». Он говорит: «Да не возят же ничего, чего их строить?» Говорю: «А ты построй, может, повезут?» Мне кажется, тут есть «проблема курицы и яйца». Конечно, когда человек сидит дома, думает: «Сейчас поеду, там ухабы, свалюсь куда-нибудь да помру». А если хорошая дорога, вокруг прекрасная инфраструктура, он поедет просто так. То же самое и с грузопотоком: надо создать привлекательную инфраструктуру – повезут. Надо только показать, что здесь нормально, комфортно, и безопасно, и удобно.

Что касается средств связи, то только прямое участие российских компаний в создании глобальных информационных сетей сможет обеспечить место России в приличном обществе. От этого зависит наш суверенитет и кто мы в мировой паутине – пауки или мухи.

В некоторых отраслях ради сохранения суверенитета необходимо преимущественное влияние национального капитала. Национальный – не обязательно государственный. Но ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, оборонная сфера должны быть преимущественно российскими.

Остальные отрасли нужно открывать по максимуму для зарубежных инвестиций, для глубокой модернизации. Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций. Именно многонациональных, а не транс-, сверх-, над- и вненациональных. Экономическое будущее не в исчезновении великих наций, а в их сотрудничестве.

Что касается мягкого поглощения, это тоже вполне реальная угроза суверенитету. Как это делается, известно: размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты. «Оранжевая технология» это вполне наглядно показывает. Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой? Думаю, что эти попытки не ограничатся 2007—2008 годами. Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить. Здесь есть одно лекарство, по большому счету, – формирование национально ориентированного ведущего слоя общества.

У нас ведь бизнес, который вырос в бурное время 90-х, который родом из советского времени, когда за лишние 100 рублей могли посадить на 100 лет и господствовала совсем другая мораль, он у нас запуганный, с одной стороны. Да и с другой стороны – тоже. Сложилась такая психология, что называется, «офшорная аристократия»: вроде хозяева жизни, но при этом они видят свое будущее, будущее своих детей не в России. Один из них написал: «Мы воспринимали Россию, как зону свободной охоты...». Промысел такой. «А сейчас поеду на плантацию, как там они?». И дело не в том, что он имеет счета в офшорах, пусть имеет. Но живет он ментально не здесь, не в России, и держаться за нее такие люди не будут, и заботиться о ней тоже не будут. То есть у них не только деньги в офшоре, но и голова там же.

Если наше деловое сообщество не трансформируется в национальную буржуазию, то, конечно, будущего у нас нет. Причем даже называя многих этих людей «офшорной аристократией», отнюдь не нужно считать их врагами: все эти графы Бермудские и князья острова Мэн наши граждане, у которых есть масса причин так себя вести. Эта проблема не решится каким-то одним усилием, одним законом. Можно сколько угодно говорить о том, что собственность незыблема и так далее. Но пока это не уляжется в головах у людей, пока не поверят, что здесь можно работать долго, всю жизнь и оставить все детям, и дети будут здесь тоже жить хорошо, и никто не придет к ним и ничего не отнимет, и не скажет: «Вот ты негодяй какой! Мы тебя наконец нашли!». Здесь нужно сотрудничество бизнеса и остальной и большей части общества. Я специально не говорю «государство». Государство – это способ самоорганизации общества. Когда говорят о противоречиях бизнеса и государства, это глубочайшее заблуждение. У бизнеса противоречия с обществом, потому что чиновник воспринимает сигналы от общества. Не только у чиновника претензии. Эти претензии распространены более широко. В этом ничего хорошего на самом деле нет, потому что если отношения между богатыми и не очень богатыми людьми в нашей стране не нормализуются, у нее нет будущего. И мы должны с вами все сделать для того, чтобы эти отношения гармонизировать, хотя это очень трудно. Гораздо проще стать на популистскую точку зрения: «Бей богатых! Все отнять и поделить». Ни в коем случае нельзя этого делать при всей кажущейся соблазнительности. Лишние 2% на этом заработать? Я имею в виду рейтинг. Не стоит овчинка выделки, потому что последствия будут гораздо хуже.

Мы должны беречь наш бизнескласс, лелеять его и заботиться о нем, а они – платить налоги и уважать общественную традицию и мораль.

Другая мощнейшая часть ведущего слоя – это, конечно, бюрократия. И она должна проделывать свой путь от полусоветской, полуккомпетентной, привыкшей к поражениям бюрократии к эффективному, конкурентоспособному сообществу государственных служащих, потому что мы и здесь проигрываем соответствующим корпорациям других государств. Я бы сказал, что Госдеп при любом к нему отношении эффективнее пока, расторопнее работает, и даже прямо у нас под боком, а мы пока в целом не успеваем. Есть такая американская поговорка: ковбои бывают двух видов – быстрые и мертвые. Мне кажется, в наше время надо быстрее все делать, быстрее.

Трансформировав офшорную аристократию в национальную буржуазию и постсоветскую бюрократию – в современную, успешную, гибкую бюрократию, общество может быть спокойным за будущее нашей страны.

Здесь требуются нелинейные подходы и долгосрочные усилия по созданию в России атмосферы сотрудничества и стремления к успеху.

И здесь крайне важна проблема образования и, конечно, культуры. Такова хрупкая инфраструктура воспроизводства национальной элиты – образование и культура. И в области образования нам пока есть куда стремиться. Мы любим говорить, что оно у нас лучшее в мире, это не совсем так, между нами говоря. Наши вузы не имеют достаточной материальной базы, они не всегда еще хорошо оснащены и современным интеллектуальным продуктом. Я бы, честно говоря, звал бы и иностранных преподавателей, не стеснялся бы этого. Нам очень важно модернизировать образование, чтобы те, кто заканчивает наши вузы, были по классу не хуже выпускников Гарварда и Массачусетского технологического университета. Я не говорю, что здесь у нас все плохо, здесь, опять же, у нас есть конкурентное преимущество, у нас неплохая система образования, но надо ее развивать, четче ориентировать, и, что очень важно, она должна воспроизводить национально ориентированную элиту. У нас же в некоторые вузы зайдешь – там такое услышишь на лекциях о России, там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги пошли из какого-нибудь посольства взяли.

У образования много значений. Создание образа человека и народа. Образа мыслей. Образа будущего. Образование, то есть создание нации, организация ее жизни, ее культура. Образование как возможность прорыва в экономику знаний. Это далеко не все причины, по которым образование, наука, культура требуют особенного к себе отношения. «Битву при Садовой выиграл прусский учитель», – сказал Бисмарк.

«А при Сталинграде – учитель русский», – добавим мы. А получает русский учитель, вы помните, 60% от советской зарплаты. Вот и думайте, платить ли налоги или обождать?

Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития

Итак, если мы решим все эти задачи, Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной. Будет иметь доступ к рычагам влияния на мировую политику. Будет свободной нацией, совместно с другими свободными нациями формирующей справедливый миропорядок.

Есть ли абсолютная уверенность в том, что все будет так? Абсолютной, конечно, нет. И это благодушие, что у нас стабильность, у нас это, у нас то... Коллеги, отсылаю к началу своей лекции: по мере развития демократии информационная борьба обостряется. Борьба за умы. Хорошо бы это понимать и не надеяться на то, что вегетарианство и непротивление отправят нас в рай. Ничего подобного.

Ведь есть и другие подходы к будущему России. Их очень много, но в политическом спектре я бы выделил два основных течения, которые оппонируют нам и которые борются с нами. Кто мешает тому, кто идет вперед? Тот, кто идет назад.

У нас есть политическая сила, которая предлагает нам сделать шаг назад. Я бы назвал ее партией олигархического реванша.

Не нужно забывать, что в 90-е годы при всем том бардаке, который существовал, очень многие политики, массу которых мы наблюдаем и сейчас в активной политической жизни, жили на самом деле очень хорошо. Те, кто называл себя либералами, что-то бесконечно там делили. А те, кто называл себя державниками, сидели в парламенте, имея большинство, и тоже себя неплохо чувствовали.

Был такой удивительный симбиоз. Между ними вроде было много противоречий, но при этом все они были как бы в доле, потому что оппозиция получала свою статусную ренту со всего происходящего, а правящий, но почему-то находящийся в меньшинстве отряд революционеров имел что-то свое. Естественно, у этих людей дикая ностальгия по тем временам. Приносили им деньги для решения различных вопросов. Ведь можно только представить, насколько упала капитализация некоторых партий, извините за грубость. Ведь раньше они влияли на решения, теперь, честно говоря, особо не влияют. Много мотивов у людей повернуть время вспять. Ностальгия.

Есть и потенциальные политические лидеры у этого направления политической мысли. И зарубежные спонсоры. Безусловно, мы не можем допустить реставрации олигархического режима, потому что, повторюсь, это путь в никуда, это нежизнеспособная система, ведущая к мгновенной утрате суверенитета и демократии. Какие бы выводы все эти деятели из прошлого ни сделали, они, как сказано было о Бурбонах, ничего не забыли и ничему не научились. Но потенциальная опасность их возвращения существует, не надо ее сбрасывать со счетов.

Второе направление политической реставрации, я бы сказал, – это партия двух шагов назад. Назову их изоляционистами, потому что слово «патриот», которое они сами к себе прилагают, я бы не пачкал об них. Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад – это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подpiraет, Россия для русских, Татария, видимо, для татар, Якутия для якутов, видимо, по этой логике... О Кавказе не буду, потому что окажется, что они заодно с Басаевым. Мне кажется, что если национал-изоляционисты придут к власти в нашей стране, возникнет ухудшенная копия советского, недосоветского, бюрократического государства, причем даже без советского величия. Это просто будет смехотворная пародия, которая также ввиду своей абсолютной несостоятельности приведет нацию к демографической катастрофе и к политическому краху. Я уж не говорю о том, какие последствия это может иметь для наших граждан, потому что межнациональные конфликты провоцировать в нашей стране очень опасно. У одних во всем русские виноваты, у других – евреи, у третьих – татары, мы так далеко зайдем. Я не пытаюсь кого-то там призвать к любви и нежности в отношении друг друга. Мы с вами не учителя жизни, а практикующие политики. Предложил бы подумать с прагматической точки зрения, к чему это может привести. Благо все примеры у нас в недавнем прошлом. Один раз нам внушили, что казахи, украинцы и другие товарищи – это обуза на шее России. Я хорошо помню статью в одной влиятельной газете на заре перестройки. Украина – убыточная республика. И там нам расписывали про эти убытки, как из нас кровь сосут все наши недавние братья. Поверил, наверно, кто-то в это. И чем закончилось? Мы потеряли полстраны, полнаселения, пол-экономики и так далее. Если мы и сейчас поверим в то, что во всем виноваты те-то и те-то, мы потеряем еще полстраны, еще пол-экономики. Можно и так. Кому как веселее. Считаю, что мы с вами должны быть жестко против. Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации.

Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации

Вот два основных направления, две основные противостоящие нам политические силы. Они могут оформляться в разные партии, коалиции и так далее. Но именно с ними нам придется иметь дело в ближайшем будущем, в 2007—2008 годах, и именно у них нам надо вырвать победу.

И это непросто. Пути демократии не всегда прямые. И не только в России. Демократии угрожают олигархические и национал-изоляционистские группы во многих регионах мира. Добавьте терроризм, международный криминалитет. Трудности становления демократии в нашей стране, двойные стандарты западной политики дают стимул для разочарования в демократических ценностях. Едва ли способствуют популярности демократических идей секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, незаконное насилие в Ираке, антиконституционные оранжевые перевороты в соседних странах. Такие вещи на руку как раз контрдемократам всех мастей.

Все знают о веймарских ротозеях, которые допустили к власти Гитлера. Демократическим способом.

Предлагаю рот не разевать и не зевать. И не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур. То же касается и поклонников национал-диктатуры. Всех противников народного суверенитета.

В. Иванов

ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ВАМ НЕ ЛОБИО КУШАТЬ

Так якобы любил говорить грузинский «вор в законе» и по совместительству политик Джаба Иоселиани, ныне покойный. Этот афоризм вспоминается всякий раз, когда начинаются вопли о «демократии, растоптанной чекистским сапогом».

1.

Сразу нужно сказать, что лично я в современную демократию, точнее, в возможность демократического устройства в современных условиях никогда не верил и не верю. Потому что помню, что именно под этим словом подразумевали античные мыслители и как именно было организовано правление в демократических полисах. Демократия в ее исходном смысле есть народовластие, «правление большинства», т. е. управление государством напрямую народным собранием и через широкое народное представительство. Опыт тех же Афин или Фив показывает, что такое возможно только в условиях: 1) ограниченной территории; 2) ограниченной численности населения; 3) незначительного социального неравенства; 4) минимальных – в допустимых для общества пределах – цензовых ограничений пассивного и активного избирательного права (в Афинах политическими правами обладали только примерно 50 тысяч местных мужчин); 5) наличия у свободных граждан времени для участия в политической деятельности (это обеспечивалось рабовладением). Демократия – это максимальная «симфония» народа и власти. Звучит очень красиво, но в жизни легко оборачивалось господством толпы, которая, по словам Плутарха, «того, кто ей потакает, влечет к гибели вместе с собой, а того, кто не хочет ей угодать, обрекает на гибель еще раньше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.